

С. И. Гессен

СОВРЕМЕННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ¹

2

Принцип равенства перед законом передается от абсолютистского государства либералистскому, которое, добавляя к нему новый — принцип свободы, расширяет его и углубляет. Мы уже увидели, что в принципе равенства как твердости закона содержится в зачаточном состоянии принцип свободы как личной неприкосновенности. С объективности правовой нормы (*lex, law*) акцент смещается на субъективное право индивида (*ius, right*), который не может ущемляться в своей свободе передвижения (т.е. не может подвергаться аресту), кроме как на основании решения независимой судебной инстанции. Когда в конце XVII в. в борьбе за законность против самовластия Стюартов англичане осознали эту связь и выдвинули постулат личной неприкосновенности, они вспомнили "*habeas corpus*"², гарантированный Великой Хартией 1215 г., которую вытребовали бароны у короля Иоанна. Правоведы и публицисты, находящиеся на стороне пар-

¹ Продолжение. Начало см.: Гессен С. И. Современная демократия // Кантовский сборник. 2011. 3 (37). С. 93–97. Примечания, сокращения, курсив и кавычки автора сохранены. Примечания, сделанные переводчиком, отмечены соответствующим образом. Перевод осуществлен по изданию: Hessen S. Współczesna demokracja // Hessen S. Pisma pomniejszych. Warszawa: Żak, 1997. S. 285–309. — Примеч. пер.

² *Habeas corpus* — термин в юриспруденции, означающий распоряжение о представлении арестованного в суд для рассмотрения вопроса о законности его ареста. Habeas Corpus Act — английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности. — Примеч. пер.

ламенты против короля, придали замшелым словам Хартии совершенно новый смысл, не слишком заботясь о точности ее интерпретации³. Из наследуемой привилегии английской аристократии и мещанства личная неприкосновенность превращается в одну из гражданских свобод. Связанная с ней неприкосновенность имущества от конфискации и жилища от обыска со стороны агентов короля без судебного решения преобразуется, особенно у Дж. Локка, в свободу собственности как продолжения тела человека. Впоследствии физиократы дадут такой свободе собственности экономическое обоснование, понимая ее шире, как свободу частной инициативы — против монополий цехов и меркантилистского государства.

Уже в обосновании Локком свободы можно обнаружить новое направление мысли, далеко выходящее за принцип твердости закона и ограничения власти правами, источником которых является она сама. Это идея свободы как независимой от вмешательства государства сферы жизни, окружающей каждого индивида, когда человек является чем-то большим, нежели только гражданином или подданным государства. Он — сущность надсоциальная, духовная, которая благодаря вере может находиться в непосредственном союзе с Богом. Общественная власть не должна вмешиваться в этот духовный союз человека со своим Творцом. Вначале протестанты, в частности их крайнее течение — пуритане, провозглашая такую независимость человеческой личности от земной власти, имели в виду прежде всего свободу вероисповедания. При этом они отсылали к словам Христа о долге перед царем и Богом (Мат. 22:21)⁴. Но скоро эта свобода вероисповедания потянула за собой другие свободы. В известном памфлете великого пуританского поэта Дж. Мильтона *Areopagitica* (1644)⁵, направленном против цензуры книг и печати, видно, как свобода совести расширяется до свободы вероисповедания, а последняя — до свободы слова. Из свободы слова сама собой вытекает свобода собраний, а также свобода переписки. Соединение этих свобод с личной неприкосновенностью, неприкосновенностью жилища, а также со свободой собственности, с которой естественным образом связана свобода труда, дает нам то, что можно было бы назвать либералистской свободой. В знаменитом памфлете Томаса Пейна *The Rights of Man*, а также в американских декларациях прав конца XVIII в. и во французской Декларации прав 1789 г. эта свобода была определена в своих границах путем выделения указанных свобод, понятых как неотъемлемые права чело-

³ Это изменение смысла положений Великой Хартии в конце XVII в. хорошо показано Дж. М. Тревельяном в его *History of England*.

⁴ Некоторые исследователи (ср., напр., Г. Гурвич *Sociologie du droit*, 1938) верно усматривают зачатки современной свободы еще в средневековом дуализме светской и духовной власти, дуализме, совершенно не известном в древности. Однако до тех пор, пока духовная власть не только претендовала на универсализм, но и располагала фактическим единством, принцип свободы вероисповедания не мог развиваться из этого дуализма. Лишь Реформация, отбрасывая понятие духовной власти, могла выдвинуть постулат свободы совести и вероисповедания.

⁵ «Ареопагитика» (речь к английскому парламенту о свободе печати) Дж. Мильтона была адресована Долгому парламенту, собранному 3 ноября 1640 г. и действовал в течение 13 лет, вследствие чего и получил свое название. Русский перевод «Ареопагитики» с сокращениями был впервые помещен в журнале «Современное обозрение» в 1868 г. Первый полный перевод датируется 1907 г. — *Примеч. пер.*

века, которые укоренены в его природе как разумной сущности, более ранней, нежели природа общественной власти. В действительности же деление содержания идеи свободы как окружающей индивида сферы его свободного действия было обусловлено исторически: в каталогах свобод перечислялись те, которые должны были освободить от видов притеснений, ощущаемых в то время в большей степени. Потому и в Декларации 1789 г. специально выделена свобода переписки, вопреки почтовой цензуре. В то же время нет свободы собраний, поскольку революция стремилась ликвидировать средневековые корпорации, обладающие разнообразными привилегиями и монополиями, и к любого рода собраниям относилась с подозрением. Во время революции господствовала доктрина Руссо о вреде всех партикулярных политических союзов, соперничающих с государством и разрушающих общую волю. Однако после буржуазия, которая овладела ситуацией, пользуясь достижениями революции в своих классовых интересах, с осторожностью отнеслась к свободе собраний, особенно профессиональных союзов. Легализация профсоюзов была произведена в Англии только в 1871 г. (*Trade Union Act*), во Франции — во время революции 1848 г., хотя свобода собраний как общий принцип была провозглашена уже в конституции 1830 г. В той самой конституции (а также в бельгийской конституции того же года) встречаем и новую форму свободы — свободу преподавания (*liberté de l'enseignement*) — как протест против государственной монополии на образование, введенной Наполеоном⁶. А в 1848 г. в новую декларацию прав включается свобода забастовок (вместе со свободой локаутов), которой завершается процесс разделения либералистской свободы.

Идея свободы, опираясь на принцип равенства, без которого она не могла бы быть воплощена, как мы сказали, расширяет и углубляет этот принцип. Последний означает уже не только равенство перед единым для всех подданных государства законом, но и отмену всех привилегий рождения и вероисповедания при распределении должностей в государственных учреждениях и принятии в публичные школы. Согласно ст. 6 Декларации прав 1789 г., «все граждане имеют право доступа в учреждения и на государственные должности независимо от рождения или вероисповедания, но лишь на основании их квалификаций, талантов и заслуг». В действительности этот принцип был реализован на протяжении XIX в. с большим опозданием. В Англии уравнивание католиков в правах на государственную службу, выборы в парламент, обучение в университетах произошло только в 1830 г. А в Соединенных Штатах еще до недавнего времени так называемая “spoils system” (дословно — система раздела добычи), то есть система распределения всех важнейших (до конца XIX в. — и менее важных) должностей в государственной администрации (федеральной, штата или локальной) сторонниками партии, которая победила в последних выборах, существенно истощала данный принцип равенства. Однако, даже несмотря на это, принцип либералистской свободы, требуя, чтобы доступ в учреждения был открыт для всех обладателей соответствующего образования, не учитывал тот факт, что образование оставалось привилегией богатства.

⁶ Государственная монополия на среднее образование была отменена во Франции лишь в 1851 г. См. мою книгу «Школа и демократия на переломе».

Как принцип равенства, так и принцип свободы имели в трактовке либерализма явно негативный характер. Принцип равенства сводился к отмене различных запретов и исключений в нормах права — пережиток феодальной правовой чересполосицы — и постулату единства вероисповедания (“*cuius regio, eius religio*”). Он не требовал от правительства никакого активного действия. То же можно сказать о принципе свободы. Гражданские свободы требуют от правительства невмешательства в определенные ими сферы личной жизни индивида. Наиболее ярко выразил сущность такой негативной свободы выдающийся представитель французского либерализма Бенжамен Констан в своей некогда знаменитой публичной лекции под названием «О современной свободе в сравнении со свободой древней»⁷ (1819)⁸. В древности, утверждает Констан, гражданская свобода основывалась на участии в осуществлении государственной власти. Прямое голосование, жребий, часто принуждение должны были обеспечить как можно более активное участие всех граждан в исполнении законодательных, административных, судебных, военных, церковных функций. Не случайно слово, которое первоначально означало гражданина, замыкающегося в личной жизни (*idiotes*), со временем приобрело значение человека глупого, невежды, недостойного отведенной ему свободы. Но древний гражданин, этот со-держитель суверенной власти, как говорит Констан, был совершенно лишен свободы частной жизни. Не было такого уголка в его жизни, куда государство не считало бы себя вправе вмешиваться. Древний гражданин был членом государства, никак не больше. Государству он был обязан своей человечностью и потому подлежал его неограниченному контролю⁹.

Современная же свобода основывается, согласно Констану, как раз на независимости отдельных граждан от государства. Она ограничивает контроль и вмешательство государства до минимума, необходимого для обеспечения всем максимально возможной сферы личного свободного действия. Функции правительства не должны выходить за пределы организации безопасности и правовой защиты областей свободы, одинаково отмеренных всем гражданам.

Лучшие правительства — самые дешевые и, как позже скажет Г. Спенсер, те, которые наименее ощущаются гражданами. Плохо, когда правительство заботится о счастье своих граждан. Пусть оно ограничится соблюдением справедливости, то есть того, чтобы свобода одного гражданина не нарушала равной свободы других, а поиск счастья оставит им самим, кото-

⁷ *Constant B. De la liberté des anciens comparée à celle des modernes = О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей. — Примеч. пер.*

⁸ Опубликованная позже как введение в курс конституционного права, читаемого Констаном в Institut de France.

⁹ Я не рассматриваю здесь вопрос, является данный взгляд Констана исторически верным, в особенности для демократии афинской. Он был последовательно развит позднее Фюстелем де Куланжем (Fustel de Coulanges) в его знаменитом труде *La Cité antique* (1864 г. — Примеч. пер.). Этот взгляд подтверждают процессы против философов в Афинах — Анаксагора, Протагора и Сократа, обвиняемых в атеизме либо введении новых богов. Аргумент против этого взгляда — известная речь Перикла на похоронах погибших афинян, переданная Фукидидом, в которой Перикл противопоставляет спартанскому строю жизнь в Афинах, где каждый гражданин располагает свободой действий.

рые лучше знают, что для этого счастья нужно. Если бы, говорит Констан, можно было иметь гарантию, что правительство не злоупотребит властью и не выйдет за пределы исполнения соответствующих ему функций (защиты собственности и свобод граждан), то лучше всего было бы вверить правление какому-либо акционерному обществу на основе публичного аукциона. К сожалению, такой гарантии нет — кроме выборов людей, пользующихся доверием граждан, то есть парламента, в целях постоянного контроля над правительством, чтобы то исполняло свои функции как можно дешевле и не выходило за их пределы. Как правительство, так и наблюдающий за ним парламент, а значит и граждане, избирающие парламент, должны принадлежать, скорее, к слою обеспеченных и образованных, так как человек голодный и темный не сможет оценить благоденствия свободы и без сомнений продаст свою собственность любому демагогу, который пообещает ему хлеба и зрелищ. Именно эту концепцию либералистского государства, ограничивающего свою функцию до необходимого минимума, защитник самостоятельного творчества индивидов и их объединений Фердинанд Лассаль назвал позднее (в своей знаменитой речи *Программа работников*, 1848) крылатым выражением «государство — ночной сторож».

Высказанная Констаном в качестве шуточного сравнения идея публичного аукциона между компаниями, конкурирующими между собой за правление в государстве, была всерьез реализована в либералистском государстве в форме оппозиции, исполняющей функцию чуткого критика действий правительства и в каждую минуту готовой его заменить в случае утраты им доверия парламента. Уже в упомянутом курсе конституционного права Б. Констана мы находим зачатки теории этих «политических свобод» — в отличие от «свобод гражданских». Более детальным образом она была разработана впоследствии классическим теоретиком английского парламентаризма У. Бэджем (W. Bagehot). В эту политическую свободу входит право свободной критики правительства и предпринимаемых им шагов, право на создание оппозиционных политических партий, а также на замену одного правительства или парламента другим без применения силы. Нетрудно в общем-то заметить, что политические и гражданские свободы накладываются друг на друга, коль скоро право на критику правительства содержится в свободе слова и печати, а право на создание оппозиции — в свободе собраний¹⁰.

¹⁰ Выделяя данные права как «существенные типы политической свободы», Барбара Вуттон пишет: «Все конституции, обычно причисляемые к демократическим, обеспечивают эти права тем или иным образом». Конечно, сами по себе эти права политической свободы характеризуют уже государства либералистские и не являются специфической чертой государства демократического. Английский парламентаризм с характеризующей его политической свободой в середине XIX в. никто не мог назвать демократической системой, менее всех сам Бэджем, который дал его классическое описание, а в предисловии ко второму изданию своего труда, написанном уже после избирательной реформы, выражал опасение, что «демократическая реформа» приведет к утрате политической свободы. Да и сама Б. Вуттон, кажется, не усматривает в правах политической свободы сущности демократии: «Пока эти свободы гарантированы, они могут быть использованы для расширения и демократизации ограниченного избирательного права» (*Wootton B. Freedom under Planning*. 2nd ed. L., 1946. P. 116).

Постулат о как можно меньшем вмешательстве государства, особенно в экономическую и социальную жизнь, в отношении между предпринимателями и работниками, более всего способствовал бурному развитию капитализма, который в то время подпитывался инвестициями, имеющими своим источником прежде всего ужасающую эксплуатацию работников. Политическая экономия XIX в., в свою очередь, способствовала такому воцарению негативной свободы. Считая себя наукой, пользующейся естественнонаучным методом и устанавливающей законы таким же строгим и нерушимым образом, как законы природы, она объявляла, что никакое вмешательство государства в экономическую жизнь не сможет изменить железных законов, регулирующих оплату и условия труда рабочего класса. Любые попытки вмешательства государства приведут лишь к расстройству экономики и, как следствие, к ухудшению положения рабочих. Согласно Рикарду и Мальтусу, только ограничение прироста населения и филантропия, но никак не вмешательство государства, смогут улучшить условия жизни рабочего класса¹¹.

Наиболее достойным толкованием сущности негативной свободы и доктрины либералистского государства была, несомненно, знаменитая книга Дж. Ст. Милля *О свободе* (1860). Из всех теоретиков либерализма и капиталистического строя Дж. Ст. Милль был, пожалуй, единственным, которого никто не осмелится обвинять в черством классовом безразличии. Он остро чувствовал тяжелое положение рабочих масс и был настоящим борцом за общественную справедливость. Но влияние, которое оказывало на него атмосфера либерализма, торжествующего в Англии в тридцатых-сороковых годах прошлого столетия, было так сильно, что в своей *Политической экономии* (1848) он выступает как систематизатор, восполняющий пробелы и обобщающий учения классиков политэкономии, особенно Рикарда. Правда, за одним исключением, каковым является глава его книги, посвященная «вероятному будущему рабочих классов». В этой главе Дж. Ст. Милль соглашается с социалистами, что большинство свобод, из которых складывается негативная свобода либерализма, является для рабочего класса фактически пустыми фразами. Он выражает убеждение, что положение трудящихся масс, которые в действительности не могут располагать высшей ценностью, коей выступает свобода, не обусловлено вечными, неизменными законами природы. Только законы производства благ, действительно, — законы природы, способы же их разделения зависят от человеческой воли, и профессиональное движение рабочих и государственное законодательство многое могут сделать для решительного изменения положения рабочего класса. Потому Милль отстаивал расширение избирательного права и предостав-

¹¹ Этот взгляд разделял также Ф. Лассаль, с тем, однако, принципиальным отличием, что считал «железный закон фонда заработной платы» историческим законом капиталистического строя, а не нерушимым законом природы. Лассаль охотно ссылался на него, чтобы убедить работников в том, что только политическая акция, направленная на полное свержение капиталистического строя, может принести им реальную пользу. Такого взгляда придерживался и К. Маркс, который тем не менее в последний период жизни изменил вместе с Ф. Энгельсом свое отношение к ежедневной акции рабочих союзов, теперь уже признавая ее действенность в рамках капиталистического строя.

ление каждому гражданину некоторого минимума образования. Он считал это первым шагом в утверждаемом им распространении свободы на всех граждан. Гражданские и политические свободы составляют, по его мнению, неотъемлемое достижение общественного прогресса. Милль особо подчеркивает то значение, «которое имеет для индивида и группы большое разнообразие типов характера и полная свобода развития человеческой природы в бесчисленных и различных направлениях». Потому он преодолевает недостаточное внимание к «лишь формальным» и негативным свободам со стороны сенсимонистов и тогдашних социалистов. И, напротив, выдвигает постулат распространения либералистской свободы. Но тем самым он признает, что одной ее недостаточно, а значит — Милль уже выходит за границы либерализма, достойнейшим представителем которого был сам. Он становится одним из инициаторов идеи демократического государства¹².

(Продолжение следует)

Перевод с пол. Н. В. Данилкиной

О переводчике

Данилкина Наталья Валерьевна — канд. филос. наук, науч. сотр. Социально-гуманитарного парка Балтийского федерального университета им. И. Канта, natalia.danilkina@gmail.com

About translator

Dr Natalia Danilkina, Research Fellow, Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, natalia.danilkina@gmail.com

¹² В своей замечательной автобиографии Милль пишет, что обязан углублением своего взгляда на рабочий вопрос и сущность свободы влиянию сенсимонистов и госпоже Г. Тейлор, впоследствии его жене, без помощи которой, по его словам, книга *О свободе* никогда не была бы написана. См. новый, безупречный перевод *Автобиографии*, сделанный М. Шерером (“Wiedza”, 1946), особенно с. 151 и далее, с. 164 и далее, с. 169 и далее.